

Доктор Элейн Филлипс, Эстер, лекция 3

© 2024 Элейн Филлипс и Тед Хильдебрандт

В третьей главе мы встречаем Амана, врага евреев. В начале третьей главы повествование потрясюще занижено. На самом деле, как мы узнаем из седьмого стиха, между сорванным переворотом в конце второй главы и приходом к власти Амана прошло пять лет, и есть намеки на существенные изменения в этом промежутке.

Множество названных советников, окружавших царя в первой главе, исчезло, и Аман получил на их место исключительные полномочия, возможно, в результате мер безопасности, введенных царем, которому угрожали. Царь, согласно первому стиху, возвысил Амана, возвысил его и посадил над другими, создав иерархию. Употребление трёх глаголов вместо обычных двух указывает на значимость этого возвышения.

Кроме того, вместо ожидаемого повышения Мардохея удостоился чести именно Аман. Второй стих гласит следующее: все царские чиновники у царских ворот преклонили колени и воздали почтение или почтение Аману, ибо царь повелел это относительно него, но Мардохей не преклонил колени и не оказал ему почтения. Преклонить колени и воздать почести — еще один пример дублетов, и интерпретация имеет решающее значение для этого повествования.

Эти термины конкретно означают согнуть колени и упасть лицом вниз. Причастия могут означать постоянный поклон и царапание. Поскольку король приказал провести эти учения, они получили его одобрение и не означали ничего плохого с политической точки зрения.

Мардохей, однако, не преклонил колени и не пал ниц, и смысл четвертого стиха заключается в том, что он напрямую связан с тем, что он был евреем. Оба были действиями смирения и признания своего превосходства. Хотя в библейском тексте есть много случаев, когда израильтяне кланялись царям и, по сути, другим начальникам, выражения в этих контекстах не одинаковы.

Здесь еврейские слова — корим умиштахавим. Одна и та же пара еврейских слов не встречается ни в одном отрывке, описывающем честь другого человека. Вместо этого, когда эти два глагола используются вместе, человек выполняет их в присутствии Бога.

Это событие происходило в комплексе ворот, который был достаточно обширным, и Аман не заметил неподчинения Мардохея, пока ему не сообщили. Переходя к третьему стиху, он указывает на то, что явно имело место принудительное единообразие, а поведение Мардохея было одновременно

гражданским неповиновением царскому закону и публичным оскорблением чести Амана. Слуги допрашивали Амана для Мардохея.

В четвертом стихе мы видим, как слуги изо дня в день следили за Мардохеем, но он буквально не слушал их – выражение, которое часто относится к послушанию. Тем не менее, он дал слугам объяснение, которое возвращает нас к значению слова «корим умиштахавим». То, что он не поклонился, было во многом связано с его еврейской идентичностью.

Сообщая об этом Аману, слуги хотели определить, останутся ли в силе слова или действия (слово диврей может означать и то, и другое). Если это слово подразумевает слова, его заявление о еврействе может означать, что он зависел от этнического и религиозного исключения. С другой стороны, если общей идеей было отношение, а также сопутствующие действия, слугам хотелось увидеть, будут ли терпеть предполагаемое неповиновение.

Их решение рассказать об этом Аману представляет собой злой умысел. До этого момента Аман ничего не замечал и, возможно, продолжал не обращать внимания. Но как только слуги узнали, что Мардохей был евреем, они не только перестали уговаривать его поклониться, как делали раньше, но и передали дело Аману.

Давайте прочитаем пятый и шестой стихи. Когда Аман увидел, что Мардохей не преклонит колени и не воздаст ему почестей, он пришел в ярость. Однако, узнав, кем были люди Мардохея, он презрел идею убить только Мардохея.

Вместо этого Аман искал способ уничтожить весь народ Мардохея, евреев, по всему царству Ксеркса. Гнев Амана мог быть вызван несколькими причинами. Во-первых, это публичное оскорбление его чести продолжалось уже некоторое время.

Буквально он не стоял на коленях и не кланялся, как предполагает это, и более того, он этого не заметил. Это было настоящее унижение. Если этническая вражда в равной степени способствовала антипатии как его, так и Мардохея, это также может объяснить, почему он был полон ярости.

Будучи униженным, Аман сформулировал массированное возмездие, с помощью которого он намеревался окончательно обесчестить Мардохея и полностью уничтожить его народ. Выражение народ Мардохея повторяется дважды. Сначала Аману сообщили об их отношениях с Мардохеем.

Затем они стали объектом его злого умысла. Что-то, возможно, давняя этническая вражда между сенатом Саула и сенатом Агага, или, возможно, более широко назревающий антисемитизм, настолько воспламенило Амана, что это

превратилось в план того, что на самом деле было этнической чисткой. Еврейский текст 7-го стиха начинается с цитаты из первого месяца, месяца Нисан, яркого напоминания о Пасхе и об этом великом избавлении.

Как мы узнаем здесь, это произошло на двенадцатом году правления царя, через пять лет после событий второй главы, как восшествия Эстер на престол, так и непризнанного разоблачения Мардохеем покушения. Тот факт, что бедняк, заметно без определенного артикля, был идентифицирован как жребий, ха-горал, указывает на то, что первоначальная аудитория была незнакома с иностранным термином «бедняк», но хорошо знала практику жеребьевки. Фактически, библейский текст свидетельствует об использовании жребия в самых разных видах деятельности.

Стих 8. И сказал Аман царю Ксерксу: есть некий народ, рассеянный и рассеянный среди народов во всех провинциях твоего царства, которые держатся обособленно. Их обычаи отличаются от обычаев всех остальных народов, и они не подчиняются царским законам. Терпеть их не в интересах короля.

Здесь мы видим, что Аман имел неограниченный доступ к царю, привилегия, не распространявшаяся на остальных людей, включая царицу. Аман оставил это обвинение, которое мы прочитали расплывчатым, которое было необходимо для получения разрешения, которое он искал. Его описание было коварным, а первая строка имела двойное преимущество.

Определенный народ (по-еврейски ах-ме-хад) придал им зловещий вид, поскольку они были безымянными, но при этом были всего лишь одним, а потому незначительными и, вероятно, ненужными. Замалчивание имени народа не позволило идентифицировать людей, таких как Мардохей, который был известен как еврей. Выступление Амана началось с истины.

Они действительно были рассеянным народом и в некотором смысле разделены. Обвинение тогда, однако, перешло к полуправде, что у них были разные обычаи, и, наконец, к откровенной лжи, что они не соблюдают законов короля. Аман старательно не рассказал царю, какие законы не соблюдаются.

Если бы его надавили, единственное, что он мог бы процитировать, — это приказ поклониться ему. Последней уловкой Амана было поставить вопрос в прагматических терминах. Королю не стоит давать им отдохнуть.

Продолжая это, с просьбой перед царем, девятый стих гласит: «Если царю будет угодно, пусть будет издан указ об их уничтожении, и я положу 10 000 талантов серебра в царскую сокровищницу для людей, которые выполняют это». бизнес. Назначив обязательное, если оно угодно царю, Аман предложил в качестве

решения указ. Пассив, пусть он будет написан для их уничтожения, снимал ответственность с какого-либо одного человека, царя или Амана, и возлагал ее снова на неназванную бюрократию.

По оценкам, предложение Амана в размере 10 000 талантов составило примерно 60 процентов годового дохода Персидской империи. От Геродота мы узнаем, что общий доход его при Дарии составил 14 560 талантов. Очевидно, что как второй человек в царстве, где деспоты, вероятно, накопили огромные богатства, Аман обладал значительными ресурсами.

Однако, похоже, это выходит даже за эти рамки. Одно из возможных объяснений состоит в том, что он намеревался, по крайней мере, часть этой выплаты получить от разграбления имущества евреев, хотя он и сделал это так, как будто эта сумма будет получена из его собственной казны. Вдохновленный обещанием дальнейшего вознаграждения, он, вероятно, полагал, что добыча польется, и Аман сможет затем использовать ее для оплаты тем, кто принес дополнительную добычу, - афера из древности со смертельными последствиями.

Это был явный призыв к жадности царя, и если бы ресурсы Ксеркса были серьезно истощены военными усилиями, это действительно было бы весьма заманчиво. В представлении Амана царю есть еще один возможный дьявольский аспект, и здесь мы должны предположить, и это предположение, что рассказчик еврейского текста постарался сохранить в переводе возможную значительную игру слов в оригинальном диалоге. Аман, возможно, намеренно играл на похожих звуках «авад», написанного с помощью алефа, что означает «уничтожить», и «авад», написанного с помощью «айн», что означает «поработать».

Если бы это действительно было так, это бы объяснило его призыв к ценности не позволять этому неназванному народу отдыхать в предыдущем стихе. Это также могло бы обеспечить основу для интерпретации более позднего упоминания Есфири о том, что, если бы их только продали в рабство, она бы промолчала (глава 7). И, наконец, это могло бы объяснить, почему царь казался таким тупым в отношении указа о о чем говорила Эстер. Его заставили поверить, что намерением Амана было порабощение, хотя на самом деле это было массовое убийство.

Примечательно, что в разговоре с царем в тот момент Аман использовал только этот термин. Когда указ был написан с тройной терминологией, не было никакой ошибки в том, что он имел в виду. Бесцеремонность, с которой царь принял просьбу Амана уничтожить целый народ, сопровождавшуюся огромной взяткой, шокирует.

Если бы у короля была иллюзия, что это была продажа с целью порабощения и что это было на благо его королевства, потому что его люди представляли какую-то угрозу, его реакция могла бы быть несколько более понятной. Тем не менее он отпустил их, взмахнув перстнем с печаткой, обратившись сначала к деньгам, а затем к народу. В тот момент, когда Ксеркс передал свой перстень с печаткой, которым он был наделен властью, появляется полное имя Амана, за которым следует эпитет «противник евреев».

Термин сильнее врага, сынок. Это сорер, тот, кто причиняет страдания. Похоже, что царь в той или иной форме принял предложение Амана, поскольку Мардохей сообщил о финансовой сделке, а Эстер заявила, что ее народ действительно был продан.

Хотя, возможно, существовала некоторая целенаправленная двусмысленность относительно денег и значения слова «авад», но как только царь сказал Аману хранить деньги и поступать с людьми так, как он хочет, к указу Амана добавилось пугающее и безошибочное убийство и разрушение. Царь никогда не просил разъяснений, но предоставил Аману свободу делать все, что он пожелает, предав целый народ на резню или в рабство и тут же забыв об этом. В стихе 12 предыдущее упоминание Нисана в стихе 7 было завуалированным намеком на Пасху.

Теперь последствия проявились в полную силу. Здесь указ отмечен как написанный 13-го числа первого месяца, за день до Песаха. В то время, когда дети Израиля традиционно декламировали историю об освобождении из египетского рабства, вместо этого они столкнулись с ужасающей перспективой уничтожения под властью другого иностранного угнетателя.

И после этого бюрократическая машина снова заработала. Были вызваны писцы. Все, что требовал Аман, было написано от имени царя и запечатано его перстнем с печаткой, каждое действие обозначалось пассивным глаголом.

В стихе 13 говорится, что курьеры были разосланы во все провинции царя с приказом истребить, убить и уничтожить всех евреев, молодых и старых, женщин и маленьких детей, в один единственный день, 13-й день 12-го месяца: месяц Адар, и разграбить имущество их. Копия указа должна была быть издана в качестве закона в каждой провинции и доведена до сведения людей всех национальностей, чтобы они были готовы к этому дню. В отличие от чувства дистанции и неучастия, создаваемого повторяющимся использованием пассивного залога, здесь мы видим действие, предписывающее действие.

Они должны были уничтожить, убить и уничтожить всех евреев, молодых и старых, женщин и детей, в один день. Поскольку большая часть текста состоит из дублетов, сила этих трех глаголов, быстро следующих друг за другом, за

которыми следует исчерпывающий список жертв, безошибочна. Закрытие было предоставлено бесплатно для всех грабежей после того, как в один день были уничтожены все законные владельцы и потенциальные наследники.

В стихе 15 мы видим гонцов, притесняемых в самые отдаленные уголки империи, где, как мы узнаем из главы 9, огромное количество людей сплотилось на эту сторону даже после контрдекрета. В то же время в цитадели был издан указ. Царь и Аман устроили частный праздник, примечательный своим бессердечным тоном после безмерности их преступления.

А население Суз, занимавших последнее место в списке, было искренне взволновано этим указом, хотя нам не сказано, почему и в какой форме это приняло. На самом деле значительная часть замешательства могла быть вызвана обширным и запутанным комплексом различных реакций: от ужаса, с одной стороны, до безудержного ликования. Они, эти жители Суз, отличались от элиты цитадели, меньшинства, которое санкционировало кровопролитие и где был обнародован эдикт.

Переходя к четвертой главе, мы видим ответ Мардохея. Это было заметно и на слух. Рваная одежда и вретище из грубой козьей или верблюжьей шерсти были одеждой разоблачения и самоуничижения.

Пыль и пепел были напоминанием о разрушении плоти смертью. Эти практики символизировали ритуальную нечистоту и отделение от Бога. Из-за присущего ему стыда, обозначаемого вретищем, ему не разрешалось запятнать арену власти у царских ворот.

Крайняя горечь крика Мардохея, буквально он издал великий крик, была вызвана не только угрозой, представлявшей его народу, но также, возможно, бременем его собственной ответственности в обстоятельствах, которые привели к этому моменту. Его отказ поклониться Аману перерос в кризис для всего его народа. Однако выбор им места указывает на дальнейшие мотивы, возможно, связанные с общественным резонансом.

Это был лучший способ привлечь внимание Эстер и побудить ее к действию. В уединении дворца она даже не осознавала, что что-то произошло. Стих 3: В каждой провинции, куда пришел указ и повеление царя, был великий плач среди всех Иудеев с постом, плачем и рыданием.

Многие лежали на вретище и пепле. Здесь мы видим, как скорбь Мардохея на индивидуальном уровне отражается и усиливается, когда все еврейское население открыто сокрушается. Пост был важной чертой их траура, и он является противоположностью пиршества, которое преобладает на протяжении всего текста, и мы еще увидим его.

По мере развития остальной части главы Мардохей и Эстер противостоят друг другу, при посредничестве Хатаха, одного из евнухов царицы Эстер. Первоначально Эстер бросила вызов Мардохею. В этот момент, по ее мнению, действия Мордохая были опасно неподходящими, учитывая ее положение.

Еврейский язык использует титул «царица», поскольку субъект этого слова находился в великом горе. Это слово используется только один раз, и его корень означает корчиться. Ее реакция намекает на смущение.

Отправка ему одежды была попыткой подавить его вспышку как можно эффективнее и быстрее, чтобы она не имела для нее плохих последствий. Его традиционная реакция показалась бы чрезвычайной, а ритуальная вретиче была бы крайне неприятной и неприличной. В конце концов, Эстер пять лет действовала в соответствии с придворным протоколом и, несомненно, была очень обеспокоена тем, что подумает царь и как он отреагирует.

Преодолевая, вероятно, суету присутствующих, Эстер вызвала Хатаха, евнуха, назначенного служить ей, и отправила его к Мардохею. Она, должно быть, имела высокую степень доверия к Хатаху, и у нее было бы еще больше оснований для этого, когда развернулась деликатная ситуация. Еврейское слово *maze ve'al maze*, кажется, усиливает вопросительный вопрос, который она ему задает.

Это может быть эквивалентом того, что, черт возьми, ты делаешь? С шестого стиха начинается необыкновенный разговор. Продолжающееся присутствие Хатаха замедляет темп повествования и, таким образом, усиливает напряжение, пока он выступает посредником. В этом первом предприятии речь носит косвенный характер, поскольку обстоятельства указа были повторены в пользу Эстер.

В седьмом стихе Мардохей сначала объяснил, что с ним произошло, включая, без сомнения, указ поклониться Аману, его отказ сделать это и суровые последствия, которые привели к его оплакиванию от имени еврейского народа. Затем он представил подробности, которые предоставили его источники, даже сумму денег, которую Аман предложил за их истребление. Он продемонстрировал, что его беспокойство основано не на расплывчатой информации, а на точном знании.

Чтобы еще раз убедиться в серьезности ситуации, Мардохей предъявил Хатаху копию письменного указа. Мардохей ожидал, что Есфирь усвоит эту новость и поступит соответственно, то есть будет молить о пощаде и молить царя от имени своего народа. Другими словами, в этот момент Мардохей призывал

Эстер раскрыть личность, которую он рекомендовал ей скрывать до этого момента.

И это последний раз, когда Мардохей будет командовать Эстер. Начиная с 10-го стиха, Хатах продолжал выступать посредником, но слова Есфири и Мардохея представлены как прямой диалог. Буквально Эсфирь командовала им, то есть Хатахом, когда он вернулся к Мардохею, и ее роль как авторитетной царицы начала проявляться в этот момент и в ближайшее время начнет полностью действовать.

Стих 11, слова Есфири Мардохею, цитата: все царские чиновники и жители царских провинций знают, что для любого мужчины или женщины, которые приближаются к царю во внутреннем дворе без вызова, у царя есть только один закон: предать смерти. Единственным исключением из этого правила является то, что король протянул ему золотой скипетр и сохранил ему жизнь, но прошло 30 дней с тех пор, как меня призвали пойти к королю. Здесь первые произнесенные слова Эстер представляли собой обоснованное извинение за бездействие перед лицом почти неминуемой смерти.

Она выразила нежелание на основании общеизвестных сведений о всеобъемлющих ограничениях. В тексте сказано: любой мужчина или женщина. Более того, все знали, и из этого следует, что Мардохей тоже должен был знать это, тем более что он, похоже, знал все остальное.

Забота Эстер о своем благополучии была основана на том, что ее не вызывали к царю в течение 30 дней, о чем Мардохей не мог знать. Эстер, скорее всего, знала и о других безжалостных действиях со стороны царя. Дополнительная провокация признания своей еврейки, по ее мнению, сделала бы дело безнадежным.

Ответ Мардохея ей был резким, он противопоставлял привилегии ее царского положения ее еврейской идентичности и намекал, что опасность настолько велика, что даже то, что она является любимой царицей, не спасет ее. Он сказал: не думай, что, поскольку ты находишься в царском доме, ты один из всех иудеев убежишь. Ибо если ты промолчишь в это время, то облегчение и избавление для евреев придет из другого места, а ты и семья твоего отца погибнете.

И кто знает, не для такого ли времени вы заняли царское положение. Другими словами, как только Аман узнает, что она еврейка и родственница Мардохея, ее судьба будет ужасной. Мардохей не сказал, как, по его мнению, Аман мог узнать эту деталь и с какой именно стороны могло произойти это предательство.

Возможно, в его формулировке имелось двойное значение: бегство от всех евреев. Либо она не убежит, потому что ее личность станет известна вместе с личностью других евреев, либо, возможно, она не избежит возмездия со стороны самих евреев, которые будут освобождены из другого квартала, а затем, возможно, и тех, кто был перебежчиками. У Эстер, возможно, возникло искушение подумать, что, скрывая свою личность в течение шести лет, она сможет продолжать это делать.

Мордехай разрушил эту иллюзию. Первое прочтение стиха 14, который мы только что прочитали, кажется, указывает на непоколебимую надежду Мардохея на провидение Божие. Даже если бы Эстер промолчала, сказал он, избавление пришло бы из другого места, но у самой Есфири была возможность сыграть важную роль в освобождении своего народа.

Тем не менее, совершенно не ясно, как читать заявление об избавлении само по себе, а затем как читать его в контексте остальной части стиха, а также потенциальной угрозы в конце стиха 13. По какой-то причине, Мардохей только что предупредил Эстер, что она не застрахована от царского дома, и повторил это предупреждение здесь: ты и дом твоего отца погибнете. В число последних входил и он, поскольку он был ее единственной семьей.

Это было бы особенно важно для нее, поскольку он воспитывал ее в отсутствие дома ее отца. Более того, его призыв рассмотреть причину, по которой она была назначена на королевский пост, имел силу только в том случае, если не было другой альтернативы. В противном случае она легко могла бы поддаться искушению ничего не делать, полагаясь на надежду, что облегчение действительно придет откуда-то еще.

Один из способов решения этой проблемы — предположить, что помощь может прийти (еврейское слово — яамод), но она будет где-то в другом месте, а близость царского дворца к Аману в центре водоворота будет означать, что Эстер и Мардохей было бы сметено. Но есть еще одна возможность. Второе предложение этого стиха может представлять собой риторический вопрос, предполагающий отрицательный ответ.

Другими словами, соответствующая часть будет гласить: если вы промолчите в это время, придет ли помощь и избавление для евреев из другого места? Ответ: нет, не будет, и погибнешь и ты, и дом отца твоего. Эта интерпретация, возможно, грамматически, решает проблемы, возникающие при традиционном прочтении текста. А именно, если бы помощь действительно пришла из какого-то места, подразумеваемого под другим местом, почему бы семье Есфири, и особенно Мордехая, также не быть избавленным этим агентом? В результате поистине ужасного характера испытания Мардохея настроение Эстер резко изменилось, и повествование принимает очень решительный поворот.

В этот критический момент Эстер решила публично идентифицировать себя со своим народом, даже ценой своей жизни. Она умела находить тонкий баланс между послушанием своему опекуну и реагированием на требования языческого двора. Однако в этот момент сила ее характера проявилась в ее решимости бросить вызов королевскому закону, раскрыть свою еврейскую идентичность и противостоять самому могущественному человеку в империи.

Зная, что пост был древней и почтенной частью ее традиции, она призвала к совместному и всеобъемлющему посту, продолжая тем самым коллективное участие в этом кризисе, который начался как ответ на указ. Радикальный призыв к вмешательству Бога, этот пост превосходил по строгости все обязательные посты. В течение трех дней и ночей нельзя было ни есть, ни пить.

Поэтому, хотя молитва прямо не упоминается, она, несомненно, была частью предприятия. В самом начале своего публичного отождествления с иудаизмом Эстер подвергла себя одной из самых строгих дисциплин, а также решила, что ее молодые женщины, которые, возможно, даже не были еврейками, будут поститься таким же образом вместе с ней. После этого она войдет в присутствие короля.

Ее заключительные слова, обращенные к Мордехаю, красноречивы. Несмотря на этот поразительный призыв корпорации к божественному милосердию, она ожидала, что предприятие потерпит неудачу. Ее заявление можно было бы перевести как «я погибну, я погибну», указывая на ее признание того, что смерть была вероятным исходом любого выбора.

Ирония в том, что ее решение превратило ее из пассивного получателя в актера и инициатора остальной части драмы. Стих 17, и Мардохей пошел и выполнил все повеления Есфири. В первом буквально говорится, что Мардохей перешел границу, и на этом основании ранние раввинские толкователи предположили, что он нарушил заповедь Божию, приказав поститься 13 и 14 нисана.

Однако он мог просто покинуть цитадель и переправиться в город Сузы, чтобы собрать евреев и начать пост. В этот критический момент Септуагинта, просто для нашего интереса, включает длинные и страстные молитвы Мардохея и Есфири. Но затем мы возвращаемся к тексту.

После трех дней поста Эсфирь торжественно появилась в пятой главе. Чтобы подготовиться к встрече с царем, Эстер оделась в царское одеяние и заняла свою позицию. Это была не просто одежда, она ставила себя на ноги короля.

Но Эстер стояла, а царь сидел. Структура предложения фокусируется на дворце таким образом, чтобы создать напряжение. «Бейт ха-Мелек» в переводе как

«дворец», так и «царский зал», «Бейт ха-Малхут», извините, «Бейт-ха-Малхут» и «Ха-Бейт» используются четыре раза в одном стихе.

Оба актера расположились напротив критической точки дверного проема. Король укрылся во дворце, она приближалась к нему. Царь увидел царицу Эстер.

Ее царственная манера поведения снова завоевала его благосклонность, эта активная идиома, и он продемонстрировал свидетельство этой благосклонности, протянув скипетр. Существовал точный и неизменный протокол, о чем свидетельствует размеренный и осторожный язык иврита. В переводе царь протянул Эстер золотой скипетр, который был у него в руке, и Эстер приблизилась и коснулась головы скипетра.

В этом месте в Септуагинте Эстер деликатно опирается на своих служанок, когда она приближается, ее сердце наполнено страхом, за которым следует описание жестокого гнева царя, который хочет вызвать страх и трепет, возможно, думая, что масоретский текст, еврейскому тексту, не хватает остроты. Переводы и интерпретации продолжают мелодраматические дополнения. Эсфирь упала, побледнела и потеряла сознание, и хотя царь был разгневан, Бог изменил его сердце и вместо этого ушел от престола к ее помощникам и утешал ее в своих объятиях, в то время как она осыпала его соответствующими признаниями его царского величия.

Возвращаясь к третьему стиху еврейского текста, царь, очевидно, осознавал, что что-то критическое заставило Эстер рисковать своей жизнью и нарушить судебный протокол. Его вопрос начался с еврейского мах-лак, буквально: «Что тебе до тебя или что с тобой?» Однако это была не та шаблонная риторика, которую он использовал в последующие дни. Оно было гораздо более сокращенным.

Возможно, его тронул ее внешний вид, и часть расследования касалась ее собственных страданий. Хотя это может показаться резким, вслед за этим он задал следующий стандартный вопрос: «Какова ваша просьба?», который появится снова. Обещание до половины царства, похоже, было условностью, мы снова видим это в шестой главе Евангелия от Марка, но, тем не менее, оно интересное.

Несмотря на то, что он держал власть над жизнью и смертью в форме своего скипетра, он был готов подчиниться ее просьбе и фактически пообещал удовлетворить ее еще до того, как она заговорит. Просьба Эстер о том, чтобы Аман и царь присутствовали на частном банкете, который она уже подготовила, свидетельствует о том, что она тщательно разработала свою стратегию. Учитывая ее риск появиться в присутствии короля, то, что она просто пригласила

его на банкет, стало для него сигналом о том, что настоящая проблема еще не раскрыта.

Несомненно, этот маневр возбудил его любопытство. Праздник, помимо того, что он будет соответствовать как придворной культуре, так и текстуальным темам, станет менее жестким и публичным местом для решения сложного и деликатного характера ее просьбы. Еврейская форма приглашения Эстер соответствовала росту двух предполагаемых гостей.

Буквально это будет звучать так: «Пусть придет царь», а также восьмой стих. Итак, царь выполнил просьбу Эстер. Амана поспешно привели, и царь вошел, и снова глагол в единственном числе, возможно, отделил его вместе с Аманом.

В этот момент три якобы самых могущественных человека Персидской империи собрались вместе в одной комнате. И вот, читаем шестой стих, когда они пили вино, царь снова спросил Есфирь: в чем же теперь твое прошение? Оно будет дано вам. И какова ваша просьба? Даже до половины королевства будет даровано.

Похоже, что для употребления вина существовал отдельный курс, буквально праздник вина, миште яин, ближе к концу банкета. Возможно, это послужило поводом для решения вопросов, которые во время основного ужина были сочтены неуместными. Первый сокращенный вопрос царя, который мы увидели в третьем стихе, был отчасти ответом на незваное появление Есфири в ее явном отчаянии.

В этом контексте его поведение было гораздо более сдержанным, возможно, в соответствии с протоколом. Если бы двойное прошение и просьба действительно были стандартной придворной риторикой, Эстер знала бы об этом и, возможно, заранее подготовила бы свою критическую просьбу, которую она предложила бы на втором банкете, в седьмой главе, чтобы она идеально соответствовала этому делу. Эта двойная риторика сформировала как структуру повествования, так и первый образец ответа Есфири здесь, в седьмом стихе.

Она ответила и сказала, что это буквальное толкование, очень еврейская конструкция, но она двойная; она ответила и сказала: мое прошение и моя просьба. Неполное предложение здесь намеренно, хотя это противоречит большинству современных переводов, в которых восьмой стих просто читается как продолжение этой просьбы. Однако ясно, что ее просьба заключалась не просто в том, чтобы они пришли на следующий пир, как мы читаем в восьмом стихе.

Чувствительная публика могла бы представить себе ее паузу, возможно, чтобы успокоиться, если она пошатнется под давлением. Возможно, она спонтанно

отложила момент, когда ей придется разоблачить предательство любимого советника короля и заявить о своей личности. С другой стороны, пауза может представлять собой следующий шаг в ее расчетном плане по систематическому уничтожению Амана.

Стих восьмой: если царь относится ко мне благосклонно и если царю угодно удовлетворить мою просьбу и исполнить мою просьбу, то пусть царь и Аман придут завтра на пир; Я подготовлюсь к ним. Тогда я отвечу на вопрос короля. Здесь Эстер полностью владела риторикой, искусный дипломат использовала в полной мере двойные формы, как их сформулировал сам царь.

Она сформулировала вопрос изысканно, обязывая короля удовлетворить ее просьбу, когда она наконец придет. Цитата: если кажется правильным удовлетворить мою просьбу, то пусть придет. Более того, она предваряла все это своим собственным великолепием, если я нашел расположение и если это кажется хорошим.

Первое выражение, опять же, пользующееся благосклонностью, является более распространенным идиомой и, возможно, указывает на определенное почтение с ее стороны. Приглашение на второй банкет, если оно будет запланировано с самого начала, еще больше ублажает Амана, который будет ошеломлен, когда будет сделано это объявление, и, возможно, предотвратит ловкую политическую увертку с его стороны. Обещание Есфири заключалось в том, чтобы буквально сделать по слову царя.

Интересное заявление в свете того факта, что он сказал, что сделает для нее все, вплоть до половины королевства. В отличие от своего первого приглашения, здесь Есфирь сказала, что приготовит пир для них, а не для него, царя. Это необъяснимое включение, возможно, вызвало приступы ревности со стороны короля.

Таким образом, как предполагает раввинский комментатор, он не дал ему уснуть на следующую ночь. В этот момент рассказчик мастерски оставляет зрителей в напряжении, поскольку отношения Амана и Мардохея возобновляются. Мы снова видим непостоянство Амана в следующих двух эпизодах в конце пятой главы.

Девятый стих также построен на диадах. Радость и приподнятое настроение, то влево, буквально доброе сердце, характеризующие Амана, контрастировали с отказом Мардохея встать или дрожать. Раньше повеление, которому Аман пренебрег, извините, раньше повеление, которое пренебрег Мардохей, заключалось в том, чтобы поклониться и пасть ниц перед Аманом.

Теперь, после трехдневного поста и, вероятно, зная, что Эстер успешно вошла в тронный зал, он снова сидел у ворот, возможно, намереваясь собрать каждую крупницу информации, которую мог найти. Увидев приближение Амана, он отказался встать, что было первым шагом в обязательной процедуре. Дополнительный глагол говорит.

Аман намеревался своим указом вызвать ужас, но Мардохей не дрогнул. В результате душевное состояние Амана сменилось яростью. В стихах 10 и 11 он притворялся равнодушным, но его эмоции вылились в его переутомленное хвастовство перед друзьями в последнем взрыве его уязвленной гордости.

Жажда аудиенции, он позвал своих друзей и Зереш, свою жену, которой пришлось выслушать рассказ о вещах, которые они уже знали и, возможно, слышали много раз раньше. Порядок в стихе может намекать на то, что было для него наиболее важным. Сначала он рассказал о своем огромном богатстве, а затем о своих многочисленных сыновьях.

После этого он стал красноречиво говорить о своем высоком статусе, особенно над всеми остальными людьми сопоставимого уровня. Если друзья уже слышали все его предыдущие хвастовства, то тот факт, что он один имел честь обедать наедине с царицей Эстер и царем, был для них новым. Его буквально привели на банкет, как и на второй, и если этого недостаточно, сказал он, то же самое должно было случиться и завтра.

И в этот момент Аман обнаружил великий недостаток своей эгоцентричной гордости. Несмотря на то, что он был вторым после царя, он жаждал поклонения одного человека, который отказался от этого и чей народ он презирал, — еврея Мардохея. К этому времени он был настолько переутомлен, что само существование Мордохея заставило его потерять контроль.

Цитата: ни одно из его достижений не было удовлетворительным, пока Мордохей был жив. В ответ, похоже, Зерэш взял на себя инициативу, посоветовав Аману, как действовать. Глагол в стихе 14 употреблен в единственном числе, хотя друзья тоже участвовали в совещании.

Как и в случае с другими женщинами в повествовании, она вела себя и говорила таким образом, что вызывала реакцию, и все это было довольно забавно в свете указа, согласно которому мужчины должны были самостоятельно управлять своим домом. Ее совет был призван пристыдить Мардохея и людей, которых он представлял, и тем самым устранить унижение и уязвленную гордость, которые терзали Амана каждый раз, когда он видел Мардохея. Просьба посадить Мардохея на смехотворно высокий столб, восьмой, буквально на дерево, указывает на безумие Амана полностью унижить его.

Этот столб можно было увидеть повсюду в Сузах. Высота также может быть призвана отразить тот факт, что все официальное в этой обстановке было сделано с размахом. Для параллельного масштаба мы могли бы сослаться на 3-ю главу Даниила в 90-футовой статуе.

Похоже, что тот же менталитет преобладал. Переходя к главе 6, многочисленные совпадения в главе 6 являются явным признаком того, что произошло нечто большее. У короля просто случилась бессонница.

В летописях как раз оказалась открыта информация о добром поступке Мардохея. Мардохей просто ждал пять лет, ничего не говоря. Аман случайно оказался снаружи в тот благоприятный момент, когда царь решил, что это дело необходимо уладить.

И царь случайно не назвал имя человека, которого он хотел почтить, так что Аман предположил, что это может быть никто иной, как он. Эти изменения были рукой провидения. Бессонница перевернула историю с ног на голову.

Если бы этого не произошло, Мардохей был бы мертв еще до второго банкета Есфири. Читаем в 1 стихе 6 главы, что в ту же ночь сон царя убежал или был потревожен. Удивительно удачная картина расстройств, связанного с бессонницей.

Комментаторы, как древние, так и современные, размышляли о том, почему король был поражен таким образом. В запутанной паутине его мыслей могло запутаться опасение, что он обещал Эстер до половины царства. Возможно, подозрение в мотивах Есфири, пригласившей Амана на частные пиры, и ее намеков на то, что она одинаково заботилась и об Амани, и о царе.

Или, возможно, воспоминание о покушении, которое произошло прямо за его дверью несколько лет назад. В любом случае материалом для чтения была «Книга воспоминаний, Дела дня». Это расширение Сефер Диврей Хаямим, термина, обозначающего хроники.

Это еще один пример языковых эксцессов, когда действие вернулось в сферу персидского двора. Форма глагола, которая здесь вайхи, вайхию плюс пассивное причастие, предполагает процесс некоторой продолжительности. Возможно, судебные читатели бубнили большую часть ночи.

Была найдена запись о покушении на Ксеркса с именами и титулами: два пассивных глагола отражали безличный суд и служили тонким индикатором провиденциального раскрытия этих дел в нужное время. Пассивный залог продолжается в третьем стихе, буквально: что было сделано? Ничего не было сделано. Молодые служители дали ответ, как и во второй главе.

Конкретное упоминание чести и величия в этом контексте является отголоском продвижения Амана в третьей главе Есфири. Неправильно направленная честь была несправедливостью, с которой нужно было бороться. Глава шестая, стих четвертый, сказал король, кто при дворе? Аман только что вошел во внешний двор дворца, чтобы поговорить с царем о повешении Мардохея на виселице, которую он для него воздвиг.

Слуги его ответили: Аман стоит во дворе, введите его, приказал царь. Ни царь, ни Аман не спали, и оба имели в виду Мардохея, но с совершенно разными целями. Когда Аман вошел во внешний двор, он пришел очень рано, что свидетельствует о непристойной поспешности, с которой он намеревался покончить с Мардохеем.

Он также пришел сказать королю, чтобы он не спрашивал, что было поистине дерзким поступком. Аман расположился во дворе, чтобы быть готовым к ближайшему доступу. Его появление в присутствии короля произошло сразу после ночного чтения, что позволяет предположить, что его провели в спальню короля.

И в этот момент мы временно оставим наше повествование.